

Елизавета Буркат

Террариум

<https://litres.ru/74621843>

SelfPub; 2026

Аннотация

Элис не верила в чудеса. Но когда жизнь оставила её без работы, без парня и без будущего, она купила билет на поезд, которого нет в расписании. Взяла двух кошек. И уехала.

Поезд начал разлагаться через два часа. Пассажиры старели на глазах. А в поле высоких колосьев её ждал город, где не осталось ни одного мужчины.

В этом городе давно перестали задавать вопросы. Мужчины исчезают. Женщины привыкли. Заводы молчат. Но однажды Элис найдёт на рабочем столе чужой компьютер — и поймёт, что кто-то оставил ей послание.

Она ещё не знает, что за ней наблюдают. Что её ждали. И что тот, кто ждал, уже давно не человек.

«Террариум» — это история о том, как легко привыкнуть к чужой боли. И о том, как трудно вспомнить, что ты живой.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Елизавета Буркат

Террариум

Глава 1

Глава 1. 10 и 4/5

Эллис сидела на чемодане в почти пустом зале ночного вокзала.

Помещение было наполнено звуками. Где-то неподалёку целая семья опаздывала на поезд. Папа, глава семейства, ответственно и очень неумело координировал действия маленькой ячейки общества.

— Лена! Где Миша? Ах вот он! А где мой паспорт? Ты намазался кремом от комаров? Песню на юбилей бабушки все помнят? Отлично!

Отец семейства пытался внести ясность и спокойствие:

— Миша! Осторожнее, тут лестница! Не бегай! Лена! Лееееена! Следи за братом! Спокойнее!

В итоге никто спокоен не был. Все двигались как единый неорганизованный комок эмоций и действий.

Но надо отдать им должное: я видела, как они всё-таки сели в поезд вовремя.

Удивительно.

Неподалёку играли уличные музыканты. Качество испол-

нения, конечно, оставляло желать лучшего, но без них вокзал казался бы совсем безликим.

Я вспомнила, как впервые увидела эту троицу.

Я ожидала встретить типичных уличных исполнителей: неопрятная одежда, замученные лица, гитара с оборванными струнами. Но то, что я увидела, заставило меня остановиться и забыть, зачем пришла.

На скамейке у самого края площади сидели трое.

Парень с виолончелью, девушка с флейтой и ещё один — с маленьким, потемневшим от времени аккордеоном.

На них не было лохмотьев. Простые, но чистые пальто, аккуратные ботинки, спокойные лица. Они выглядели так, будто только что вышли из консерватории, но почему-то оказались здесь, у вокзала, в час ночи.

Они играли тихо. Неслаженно. Флейта чуть отставала, аккордеон брал не те ноты, виолончель вела собственную линию, совершенно не обращая внимания на остальных.

Это была не музыка, а какофония.

Но в ней было что-то, заставлявшее стоять и слушать. Что-то, от чего внутри поднималась тихая, давно забытая грусть. Как будто эти трое играли не для прохожих, а для кого-то, кого уже давно нет.

Я простояла минут десять.

Никто из музыкантов не смотрел на меня. Они просто играли вразнобой, с такими лицами, будто исполняли симфонию перед переполненным залом.

Их мелодия пахла старой бумагой, пыльными письмами и чужими воспоминаниями, которые ты никогда не переживал, но почему-то знаешь наизусть.

Когда они закончили, я подошла. Протянула смятые купюры и сказала:

— Мне сказали, у вас можно купить билет. До станции, которой нет в расписании.

Виолончелист — седой парень с длинными пальцами — молча кивнул.

Девушка с флейтой достала блокнот, вырвала лист и что-то написала от руки. Бумага была мягкая, чуть желтоватая как старая открытка.

— Вот, — сказала она, протягивая мне лист. — Жди поезд. Он придёт, когда ты будешь готова. Не раньше.

Я взяла билет, не стала спрашивать, что это значит. Просто кивнула и ушла.

Отдаляясь от фальшивой и грустной игры музыкантов, я чувствовала, как мир становится чуточку ярче и менее безвкусным.

Но всё менялось, когда появлялся этот звук — вишенка на торте любого вокзала: тётя, объявляющая расписание поездов голосом человека с хроническим гайморитом.

Классика, которую нельзя не упомянуть.

Мир снова становился мрачнее.

И объясните мне, почему в наше время развитых технологий, качественных динамиков и прочих прекрасных меха-

низмов мы до сих пор в каждой книге, где есть вокзал, упоминаем этих тётъ с насморком? Что в наше время, что двадцать лет назад, что пятьдесят!

Купите тётям хорошие микрофоны! А вокзалам — хорошие динамики!

Спасибо. Я выговорила. Продолжим.

Итак. Вот она — я.

Рядом — переноска с двумя кошками.

На часах 23:45. Поезд опаздывал на двадцать минут, но я не волновалась.

Я вообще перестала волноваться месяц назад, когда Алекс, мой бывший парень, собрал вещи с нашей съёмной квартиры, в которой мы не прожили и месяца, и заявил:

— Ты талантливая, Эллис. Но талант не оплатит ипотеку. Ты мечтаешь о своей квартире и продолжаешь заниматься чем угодно, кроме нормальной работы. Я что, один должен всё тянуть по деньгам? Ждать, пока кто-то подберёт твой талант с земли, отряхнёт его от пыли и заметит? Не, пока.

Он ушёл к девушке из обеспеченной семьи.

Я не плакала.

Пришлось объясняться с хозяйкой квартиры и обещать съехать через четыре дня, как раз к концу первого месяца. На продление аренды денег не было.

И опять вся эта возня с вещами. Собери, упакуй, магическим способом перевези.

Поперёк горла уже всё это.

Слава богу, наша покладистая и дружная пара вместо того, чтобы разобрать вещи за месяц, разложить всё по местам и обустроить семейное гнёздышко, занималась руганью, ссорами, выяснением отношений и войной с бытовухой а-ля «сегодня посуду моешь ты, я вчера мыл».

Половина вещей так и осталась в больших мусорных мешках, которые переехали на балкон.

Но это всё лирика. Уже не имеет значения.

Желаю его новой обеспеченной девушке счастья с этим бытовым инвалидом.

Я сняла самую дешёвую комнату в старом общежитии на окраине. Там по ночам пахло чужими борщами, а за стеной плакал ребёнок, которого никто не мог успокоить.

Мама сказала:

— Я тебя предупреждала. Нельзя верить мужикам. Теперь расхлёбывай сама.

Я не стала спорить. В чём она не права? Надо самой выкручиваться.

Я умела всё: рисовать, лепить, писать музыку, делать татуировки, играть на фортепиано, гитаре и немного на скрипке.

В другом мире это называлось бы талантом.

В моём — просто хобби, которое не кормит.

Я бралась за любую работу, но грошей едва хватало на аренду и корм для кошек.

Кошки.

Старшую, Саню, я нашла на помойке у дома три года на-

зад.

Худая, грязная, с огромным животом. Я отмыла её, накомила ее, отмыла, а через месяц Саня родила единственного котёнка.

Саня была белой, в разноцветных пятнах — рыжих, чёрных, серых. Как лоскутное одеяло. Как свет, который прошёл через всё.

Котёнок выжил один. Маленький серый мальчик Я назвала его Смоки.

Смоки — дым.

Дым, который выходит из трубки старика, сидящего на скамейке на закате своих лет. Дым, в котором осмысливается целая жизнь: совершённые ошибки, горькие потери, честная и яркая любовь, которую не уберёг.

Я смотрела на него и думала: «Ты — память о котятках, которых я не знала. О тех, кто не выжил».

Смоки не мурлыкал. Не тёрся о ноги. Смотрел прямо, жёлтыми глазами, равнодушно и спокойно.

Его вырастила Саня — по кошачьим канонам и порядкам. Он не знал, что такое человеческая любовь. Не смог привыкнуть к моим объятьям, тисканьям, для него это казалось дикостью и неуважением.

Но меня это не останавливало. Я гладила серую шерсть, перестала на него кидаться с криками « а кто тут такой кооотят сидит», Смоки не отворачивался, принимал только погладушки.

Это и есть любовь — без условий, без требований, без «ты должна».

Боже.

Ночные завывания ребёнка и запах жареной рыбы впере-
мешку с борщами сводили меня с ума.

А ещё драки. Где-то рядом с плачущим ребёнком всегда
были слышны разборки алкашей. Может, поэтому он и пла-
кал. Наверное, был недоволен условиями своего рождения.

Я тоже хотела плакать. Если честно, уже на пятые сутки
в этом клоповнике.

Нужно было что-то менять.

Опять переезд? Но куда?

И тут я кое-что вспомнила.

Я сидела на подоконнике в своей комнате, листала фото-
графии в телефоне. Пальцы сами долистали до лета позапро-
шлого года.

Качели во дворе. Солнечный свет. Две дурочки с мороже-
ным.

Я и Катюха.

Катюха.

Я давно не получала от неё вестей. Интересно, у неё всё
настолько хорошо, что она больше не нуждается в прошлых
друзьях? Или ей просто нечего сказать тем, кто остался?

Она уехала быстро. Торопясь. В новый мир — не от хоро-
шей жизни, но решительно.

Я помнила, как провожала её до вокзала. Мы дошли до

входа, и она сказала:

— Дальше я сама. Мне нужен не совсем привычный маршрут.

Я тогда не поняла. Думала, просто выпендривается.

Но она посмотрела на меня внимательно и добавила:

— Если когда-нибудь решишься — иди на площадь перед вокзалом. Там играют музыканты. У них можно купить билет. Не в кассе. В кассе такого не продают.

Я озадачилась.

Как это — у музыкантов? Почему не в кассе? И зачем так срочно, так быстро, не пойми куда?

Я хотела спросить. Открыла рот.

Но Катюха уже махнула рукой и ушла — в вокзал, в свою новую жизнь, в тот самый неизвестный маршрут.

Я стояла и смотрела ей вслед.

Думала: потом спрошу. Позвоню. Напишу. Она расскажет.

Но связь оборвалась.

Она пропала.

И спросить стало некого.

Тогда я не придавала этому значения. Но сейчас, глядя на её лицо с фотографии, вдруг вспомнила каждое слово.

И поняла: это был не трёп.

Это было приглашение.

Или предупреждение.

Я отложила телефон. Посмотрела на Саню, спавшую на

подушке, и на Смоки, сидевшую у окна и наблюдавшую за темнотой.

«Я знаю, куда идти.

Или не знаю.

Но полтора года назад я была уверена, что Алекс — любовь всей моей жизни и лучший парень на свете. В этом я тоже была уверена. Так что, может, не стоит мне доверять. Может, я снова облажаюсь.

Ладно. Даже если и так — это будет мой опыт. А опыт, как известно, не бывает бесплатным. Просто иногда он стоит дороже, чем билет до станции, которой нет в расписании».

Я решила.

Даже если ошибусь — это будет моя ошибка.

Я собрала остатки денег и купила билет до станции, которой нет в расписании.

Чудеса.

Я не верила в чудеса. Но верить больше было не во что.

Наконец объявили посадку.

Проводница мельком глянула на билеты, подняла бровь, но промолчала.

Внутри вагона были пустые купе, мерцающий свет и запах пыли со старостью. Радовало, что жареной рыбой не пахло. Борщами тоже. И даже ни одного плачущего ребёнка!

Лучшее место. Меня всё устраивает.

Я зашла в купе, поставила переноску на пол и села у окна.

Саня свернулась клубочком и зажмурилась. Она всегда

умела ждать.

Смоки сел рядом, вытянул лапы и уставился в темноту за стеклом.

Поезд дрогнул, кашлянул и тронулся.

Из соседнего купе донёсся шум — ругань, возня, чьи-то быстрые шаги.

— Я потерял билеты, но мне сюда надо! Других вариантов нет! — кричал парень. — Я влез в окно, пока вы не видели! Я заплачу, честно!

— Сядьте, — спокойно ответила проводница. — И не кричите.

— Но билеты...

— Вот теперь они не имеют значения. Поезд тронулся. Добро пожаловать.

Я не видела его лица, но слышала каждое слово.

«Я последние копейки собирала на этот билет, — подумала я с глухой обидой. — А он просто в окно залез — и всё равно едет. Бессовестный».

Я отвернулась к окну и погладила Смоки.

Тот даже не шелохнулся.

Поезд набирал ход.

Ощущение несправедливости этого мира и злость охватывали меня всё сильнее. Я вспоминала, как утром съедала половину бич-пакета, чтобы вечером доесть вторую и отложить дневную зарплату на билеты.

Билеты стоили дорого. Почти три месяца моей работы

промоутером, раздававшей листовки на морозе.

Кошки тоже недоедали: самый дешёвый корм, от которого у них болели животы. Их рвало. Я чувствовала себя бесконечно виноватой перед ними.

Но я накопила.

Купила билеты с рук у уличных музыкантов, которые каждый день играли на площади перед вокзалом.

Принесла им смятые купюры. Они от руки выписали билет и сказали:

«Жди поезд».

Когда? Во сколько?

— Жди.

Потрясающе. Спасибо за информацию. Чтоб вам ноты так же понятно печатали, как вы людей на поезд отправляете.

Делать нечего. Сидим, чего-то ждём.

И как мне вообще понять, что нужный поезд пришёл? И куда пришёл? Даже в «Гарри Поттере» инструкции были яснее: разбежаться в стену, которая даже подписана! Всё для людей!

Тут неожиданно наш уличный ансамбль бездарностей начал играть одну ноту. Все вместе. ГРОМКО. ДАЖЕ СИНХРОННО!

Могут же, когда хотят.

Я обернулась на тревожный звук. Девушка с флейтой указала мне на поезд.

Поезд просто возник там, где раньше была стена.

В принципе, до сих пор мне кажется, что это более логичная идея, чем желание выйти замуж за Алекса год назад.

Вопросов нет. Идём.

Теперь поезд шёл.

Я сидела, сжимая в кармане бумажки, и смотрела в окно на уходящие огни города.

Я пыталась честно заработать на эти билеты. А этот парень просто влез в окно — и теперь едет. Он не старался.

А может, наоборот, страдал так, что полез с ноги в окно поезда. Кто знает, что там за причина такая?

Интересно, откуда вообще, кроме меня и кошек, ещё кто-то знает об этом поезде?

Он выглядел как обычный парень. Ничего особенного. А вот взял — влез и сидит где-то там, в соседнем купе.

Я вздохнула и откинулась на сиденье.

Значит, мой долгий труд и его наглая, безобразная смелость вознаграждены одинаково.

Мы оба едем в этом поезде.

Я не знала, смеяться мне или плакать.

В итоге просто закрыла глаза, чтобы разгрузить голову тишиной.

Саня спала у меня на руках. Смоки сидел рядом — сухой и серый, как дым над забытой трубой.

Поезд нёс нас в темноту.

Не было объявлений остановок. Ни маршрута, ни единого понимания, куда мы все собрались и едем.

Людей в поезде, кстати, было немало. Но никто особенно не выделялся. Пассажиры будто составляли общий тревожный фон атмосферы, которая сулила перемены без гарантий на успех.

Кроме того парня.

Зайца.

Я не заметила, когда поезд начал меняться.

Сначала погас свет в дальнем конце вагона. Потом раздался металлический скрежет, будто кто-то огромный провёл ножом по корпусу состава.

Я открыла глаза.

Саня проснулась и прижалась ко мне. Смоки поднял голову, настороженно глядя на дверь купе.

Поезд дёрнулся.

За окном больше не было огней. Только темнота, в которой время от времени мелькали странные вспышки — словно поезд проезжал сквозь чужие воспоминания.

Снова скрежет.

На этот раз ближе.

Я выглянула в коридор. Несколько пассажиров уже стояли у дверей своих купе. Кто-то спрашивал, что происходит. Кто-то звал проводницу.

В ответ — тишина.

А потом я увидела, как исчезает вагон впереди.

Не отцепляется. Не падает с рельсов.

Он словно рассыпался на глазах: металл становился се-

рым, тускнел, крошился и растворялся в темноте. За ним исчезали сиденья, окна, двери, люди.

Состав разрушался с головы, и разрушение двигалось к нам.

Кто-то закричал.

Теперь стало понятно, почему поезд не имел расписания.

Время догнало его.

Я схватила переноску. Артур — тот самый парень из соседнего купе — появился рядом, бледный и растерянный.

— Что это такое?! — крикнул он.

— Если узнаешь, расскажи! — ответила я.

Коридор дрогнул. Стена рядом с нами покрылась трещинами, будто состарилась на сотни лет за несколько секунд. Краска осыпалась. Металл почернел.

Я увидела человека в конце вагона. Ещё мгновение назад он был молодым, а теперь его лицо покрывали глубокие морщины, волосы побелели, спина согнулась. Он попытался ухватиться за поручень, но тот рассыпался у него в руках.

Человек исчез вместе с полом, сидениями и другими людьми рядом.

Я не успела даже вскрикнуть.

Артур схватил меня за руку.

— Надо прыгать!

— Куда?!

Он указал на окно. За стеклом мелькало что-то похожее на поле.

— Туда!

Я посмотрела на переноску. На кошек. На коридор, который вот-вот должен был исчезнуть.

Потом — на Артура.

— Ладно. Только если мы умрём, я тебе этого не прощу!

Мы разбили окно и прыгнули.

На мгновение всё вокруг стало бесконечным падением. Ветер ударил в лицо. Я прижала переноску к груди, чувствуя, как кошки мечутся внутри.

Земля приближалась.

Я приготовилась к боли.

Но вместо удара о камни мы рухнули в мягкую, высокую траву.

Некоторое время я просто лежала, не в силах пошевелиться. Воздух пах сырой землёй и чем-то горьким, незнакомым. Над головой было огромное небо, бледное и чужое.

Я проверила переноску.

Саня была жива. Смоки тоже.

Это было главное.

Артур лежал неподалёку, тяжело дыша. Он медленно поднялся на локтях и огляделся.

— Мы... живы?

— Пока не вижу причин считать иначе, — сказала я. — Но день ещё молодой.

Хотя, если честно, я не была уверена, что здесь вообще существовали дни.

Я встала и посмотрела вокруг.

Перед нами простиралось огромное поле. Высокие стебли зерна колыхались под ветром, скрывая землю почти до груди. Далеко впереди виднелись две высокие трубы.

Из одной шёл дым.

Вторая молчала.

Я обернулась туда, где должен был остаться поезд.

Ничего.

Ни рельсов. Ни обломков. Ни даже следа того, что несколько секунд назад там существовал целый состав.

Только поле.

— Ну что, — сказала я, поправляя переноску. — Полагаю, это и есть наша станция.

Артур ничего не ответил. Он смотрел на трубы.

Я тоже посмотрела.

Одна дымилась. Значит, там что-то работало. А где что-то работает, там, возможно, есть люди.

Или хотя бы объяснения.

Хотя с последними в моей жизни всегда были проблемы.

— Пойдём к дыму, — решила я.

Мы двинулись через поле, не зная, куда попали и что ждёт нас впереди.

За спиной не осталось ни вокзала, ни поезда, ни прежней жизни.

Только высокая трава, две трубы и чувство, что всё самое странное ещё впереди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.